PG 3361
.S7 Z5
1866

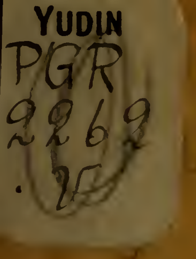

Class

Book

~~YUDIN COLLECTION~~

YUDIN
PGR
2269
.V

1/100

609
3291

ВОСПОМИНАНІЯ
ГРАФА В. А. СОЛОГУБА.

НОВЫЯ СВѢДѢНІЯ

О ПРЕДСМЕРТНОМЪ ПОЕДИНКѢ

А. С. ПУШКИНА.

МОСКВА.
ВЪ ТИПОГРАФІИ ГРАЧЕВА И КОМП.
1866.

Sollogub, Vladimir Aleksandrovich, graf.
Vospominaniia

ВОСПОМИНАНІЯ

ГРАФА В. А. СОЛОГУБА.

ГОГОЛЬ, ПУШКИНЪ И ЛЕРМОНТОВЪ.

НОВЫЯ СВѢДѢНІЯ

О ПРЕДСМЕРТНОМЪ ПОЕДИНКѢ ПУШКИНА.

—

Читано въ Обществѣ любителей Россійской словесности.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ГРАЧЕВА И КОМП.

1866.

кихъ нашихъ художниковъ, я видѣлъ ихъ страданія; я имѣлъ случай убѣдиться на опытѣ, что чѣмъ сильнѣе въ нихъ было дарованіе, тѣмъ горестнѣе терпѣли они отъ разлада съ современнымъ имъ обществомъ. Я не амбра, говорилъ Персидскій поэтъ, но я долго жилъ подлѣ амбры: этими словами могутъ опредѣлиться мои отношенія къ Россійской словесности. Я самъ не художникъ, но я долго жилъ подлѣ великихъ художниковъ: отъ нихъ я и полюбилъ искусство, и слабые мои опыты были не что иное, какъ минутное отраженіе моихъ знакомствъ. Немногимъ даруется радость и скорбь истинныхъ призваній; но каждому дано сердце, каждому открыта любовь, каждый въ любви находитъ свое стремленіе. Мое стремленіе всегда было любить Россійскую словесность, и не только любить ее, но и уважать ея призваніе, радоваться ея успѣхамъ, горевать объ ея отступленіяхъ, объ ея ошибкахъ, объ ея болѣзняхъ.

Сегодня, по случаю моего новоселья

въ обществѣ, удостоившемъ меня своимъ выборомъ, я рѣшился, на правахъ новопришельца и, такъ сказать, имянинника, разсказать, по старческому обычаю, кое что изъ моихъ воспоминаній, конечно не съ тѣмъ, чтобъ докучать собранію самохвальствомъ, а потому что съ моимъ прошедшимъ связаны нѣкоторыя мало извѣстныя подробности о личностяхъ, драгоцѣнныхъ всѣмъ ревнителямъ нашего отечественнаго слова. Собраніе извинитъ меня благосклонно, если, говоря о нихъ, я по неволѣ буду принужденъ въ теченіи слѣдующаго разсказа, упоминать и о себѣ.

Въ моей жизни три дома играли важную роль. Домъ Олениныхъ, домъ Карамзиныхъ, домъ гр. Віельгорскихъ. Въ первомъ я началъ уважать искусство, во второмъ началъ его любить, въ третьемъ началъ его понимать. Съ тѣхъ поръ, какъ я себя помню, я помню себя въ домѣ Олениныхъ, съ которыми мы считались въ родствѣ. Родствомъ. даже отдаленнымъ,

въ старину дорожили. Оленинъ былъ строгимъ классикомъ и добродушнымъ меценатомъ; у него я игралъ съ *Крылочкой*, какъ назывался въ домѣ И. А. Крыловъ; у него я глядѣлъ съ нѣкоторымъ страхомъ на величаваго, одноокаго Гнѣдича; у него я въ первый разъ видѣлъ Пушкина, влюбленнаго въ дочь Оленина, и написавшаго для нея, какъ извѣстно, нѣсколько стихотвореній. Мнѣ очень памятно, съ какимъ благоговѣніемъ смотрѣлъ я на современныхъ извѣстныхъ писателей и какъ умиленно взиралъ я на бархатные сапоги старичка Нелединскаго-Мелецкаго. Только здѣсь недавно узналъ я, что эти сапоги были ничто иное, какъ хитрость. У Нелединскаго подагры никогда не бывало, но онъ себѣ ее придумалъ, чтобъ не надѣвать при дворѣ длинныхъ чулковъ. Нелединскій былъ чрезвычайно любезенъ и остроуменъ, и онъ-то однажды на вопросъ, умна ли такая дама, отвѣчалъ серьозно: „не знаю, я говорилъ съ ней только по-французски". Живо пом-

ню я тоже Грибоѣдова и помню, какъ изумлялся, когда онъ садился за фортепьяно, что такой человѣкъ могъ еще быть музыкантомъ. Изъ этой первой эпохи моего дѣтскаго литературнаго любительства я вынесъ оставшееся мнѣ на всю жизнь чувство уваженія къ чужимъ заслугамъ, къ авторитетамъ и къ классикамъ. За тѣмъ наступила болѣе сознательная пора юности: 15-ти лѣтъ я былъ студентомъ Дерптскаго университета и, подъ вліяніемъ студентскихъ пѣсенъ и бойкаго Языковскаго стиха, началъ кое что писать, сперва весьма неудачно, потомъ немного получше. Въ Дерптѣ я былъ принятъ, какъ родной, въ семействѣ Карамзиныхъ. Знакомство съ Карамзиными было вторымъ періодомъ моей душевной жизни, и снова, но уже отчетливо, съ понятіемъ о словесности я слилъ всѣ лучшія свои побужденія и наклонности. Карамзинскій кругъ былъ всегда пріютомъ Русской умственной дѣятельности, и въ то же время храмомъ самаго

сердечнаго радушія. Гостей тутъ собственно не бывало; тутъ собирались только друзья, родные по сердцу, образующіе одну семью, надъ которой парила всегда присущая, обожаемая тѣнь Русскаго исторіографа. И въ Дерптѣ и потомъ въ Петербургѣ я былъ у Карамзиныхъ каждый день. У нихъ, въ теченіи 20 лѣтъ, я сближался поочередно съ другими душевными родственниками Карамзинскаго дома, съ Пушкинымъ, Жуковскимъ, кн. Вяземскимъ, Тургеневыми, Баратынскимъ, Лермонтовымъ и многими другими. У нихъ сблизился я и съ покойнымъ моимъ тестемъ гр. Мих. Юр. Віельгорскимъ, принявшимъ меня въ свой домъ. Гр. Віельгорскій прошелъ незамѣченный въ Русской жизни; даже въ обществѣ, въ которомъ онъ жилъ, онъ былъ оцѣненъ только немногими. Онъ не искалъ извѣстности, уклонялся отъ борьбы и несмотря на то или можетъ быть именно потому былъ личностью необыкновенной: философъ, критикъ, лингвистъ, медикъ, тео-

логъ, герметикъ, почетный членъ всѣхъ масонскихъ ложъ, душа всѣхъ обществъ, семьянинъ, эпикурецъ, царедворецъ, сановникъ, артистъ, музыкантъ, товарищъ, судья, онъ былъ живой энциклопедiей самыхъ глубокихъ познанiй, образцомъ самыхъ нѣжныхъ чувствъ и самаго игриваго ума. У него, въ кругу представителей всѣхъ знанiй, я понялъ, что словесность не есть попытка на авось, а тоже искусство или правильнѣе только часть одного общаго, единичнаго, въ своихъ частяхъ тождественнаго искусства, налагающаго одни и тѣ же законы на всѣ свои отрасли. Тогда я началъ искать эти законы въ чужихъ творенiяхъ, и не нашелъ ихъ въ своихъ. Тогда я отказался отъ званiя писателя, а принялъ заблаговременно званiе любителя, въ томъ убѣжденiи, что и любить хорошее дѣло, что и любить не всякому дано.

Изложивъ передъ собранiемъ мою литературную исповѣдь и посильныя права на дипломъ, коимъ нынѣ удостоенъ, я

позволю себѣ расказать теперь про мои отношенія къ лицамъ, о которыхъ много было уже сказано и никогда не устается говорить. Смѣю надѣяться, что собраніе не утомится моимъ разсказомъ.

Въ 1831 году лѣтомъ я пріѣхалъ на ваканціи изъ Дерпта въ Павловскъ. Въ Павловскѣ жила моя бабушка, и съ нею вмѣстѣ покойная тетка моя Александра Ивановна Васильчикова, женщина высокой добродѣтели, постоянно тогда озабоченная воспитаніемъ своихъ дѣтей (*). Одинъ изъ сыновей ея, нынѣ умершій, къ сожалѣнію родился съ поврежденнымъ при рожденіи черепомъ, такъ что умственныя его способности остались навсегда въ туманѣ. Всѣ средства истощались, чтобъ помочь горю, все было напрасно. Тетка придумала наконецъ нанять учителя, который бы могъ развивать, хотя нѣсколько, мутную понятливость бѣд-

(*) См. наше некрологическое извѣстіе объ А. И. Васильчиковой, въ Московск. Вѣдомостяхъ 1855 г., осенніе мѣсяцы. *П. Б.*

наго страдальца, показывая ему картинки и бесѣдуя съ нимъ цѣлый день. Такой учитель былъ найденъ, и когда я пріѣхалъ въ Павловскъ, тетка моя просила меня познакомиться съ нимъ, и обласкать его, такъ какъ, по словамъ ея, онъ тоже былъ охотникомъ до Русской словесности и, какъ ей сказывали, даже что-то пописывалъ. Какъ теперь помню это знакомство. Мы вошли въ дѣтскую, гдѣ у письменнаго стола сидѣлъ наставникъ съ ученикомъ, и указывалъ ему на изображенія разныхъ животныхъ, подражая при томъ ихъ блеянію, мычанію, хрюканію, и т. д. „Вотъ это, душенька, баранъ, понимаешь ли? баранъ, — бе, бе... Вотъ это корова, знаешь, корова, му, му". При этомъ учитель съ какимъ то особымъ оригинальнымъ наслажденіемъ упражнялся въ звукоподражаніяхъ. Признаюсь, мнѣ грустно было глядѣть на подобную сцену, на такую жалкую долю человѣка, принужденнаго, изъ за куска хлѣба, согласиться на подобное занятіе. Я поспѣ-

шилъ выйти изъ комнаты, едва разслыхавъ слова тетки, представлявшей мнѣ учителя и назвавшей мнѣ его по имени: *Николай Васильевичъ Гоголь.*

У покойницы моей бабушки, какъ у всѣхъ тогдашнихъ старушекъ, жили постоянно бѣдныя дворянки, компаніонки, приживалки. Имъ то по вечерамъ читалъ Гоголь свои первыя произведенія. Вскорѣ послѣ страннаго знакомства я шелъ однажды по коридору и услышалъ, что кто то читаетъ въ ближней комнатѣ. Я вошелъ изъ любопытства, и нашелъ Гоголя посреди дамскаго, домашняго ареопага. Александра Николаевна вязала чулокъ, Анна Антоновна хлопала глазами, Анна Николаевна по обыкновенію оправляла напомаженные виски. Ихъ было еще двѣ или три, если не ошибаюсь. Передъ ними сидѣлъ Гоголь и читалъ про украинскую ночь. „Знаете ли вы украинскую ночь? Нѣтъ, вы не знаете украинской ночи!“ Кто не слыхалъ читавшаго Гоголя, тотъ не знаетъ вполнѣ его произведеній. Онъ

придавалъ имъ особый колоритъ, своимъ спокойствіемъ, своимъ произношеніемъ, неуловимыми оттѣнками насмѣшливости и комизма, дрожавшими въ его голосѣ и быстро пробѣгавшими по его оригинальному остроносому лицу, въ то время какъ сѣрые маленькіе его глаза добродушно улыбались, и онъ встряхивалъ всегда падавшими ему на лобъ волосами. Описывая украинскую ночь, онъ какъ будто переливалъ въ душу впечатлѣнія лѣтней свѣжести, синей, усѣянной звѣздами, выси, благоуханія, душевнаго простора. Вдругъ онъ остановился. „Да гопакъ не такъ танцуется!" Приживалки вскрикнули: „Отъ чего не такъ»? Онѣ подумали, что Гоголь обращался къ нимъ. Гоголь улыбнулся и продолжалъ монологъ пьянаго мужика. Признаюсь откровенно, я былъ пораженъ, уничтоженъ; мнѣ хотѣлось взять его на руки, вынести его на свѣжій воздухъ, на настоящее его мѣсто. *Майская ночь* осталась для меня любимымъ Гоголевскимъ твореніемъ, быть мо-

жетъ, отъ того, что я ей обязанъ тѣмъ, что изъ первыхъ въ Россіи могъ узнать и оцѣнить этого геніальнаго человѣка. Карамзины жили тогда въ Царскомъ Селѣ, у нихъ я часто видалъ Жуковскаго, который сказалъ мнѣ, что уже познакомился съ Гоголемъ и думаетъ, какъ бы освободить его отъ настоящаго мѣста. Пушкина я встрѣтилъ въ Царскосельскомъ паркѣ. Онъ только что женился и гулялъ подъ ручку съ женой, первой Европейской красавицей, какъ говорилъ онъ мнѣ послѣ. Онъ представилъ меня тутъ женѣ и на вопросъ мой, знаетъ ли онъ Гоголя, отвѣчалъ, что еще не знаетъ, но слышалъ о немъ и желаетъ съ нимъ познакомиться.

Послѣ незабвеннаго для меня чтенія, я, разумѣется, сблизился съ Гоголемъ и находился съ того времени постоянно съ нимъ въ самыхъ дружелюбныхъ отношеніяхъ, но никогда не припоминалъ онъ о нашемъ первомъ знакомствѣ: видно было, что, не смотря на всю его душев-

ную простоту (отпечатокъ возвышенной природы), онъ нѣсколько совѣстился своего прежняго званія толкователя картинокъ. Впрочемъ онъ изрѣдка посѣщалъ мою тетку и однажды сдѣлалъ ей такой странный визитъ, что нельзя о немъ не упомянуть. Тетушка сидѣла у себя съ дѣтьми въ глубокомъ траурѣ, съ плёрезами, по случаю недавней кончины ея матери. Докладываютъ про Гоголя. —„Просите". Входитъ Гоголь съ постной физіогноміей. Какъ обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, разговоръ начался о бренности всего мірскаго. Должно быть это надоѣло Гоголю: тогда онъ былъ еще веселъ и въ полномъ порывѣ своего юмористическаго вдохновенія. Вдругъ онъ начинаетъ предлинную и преплачевную исторію про какого то Малороссійскаго помѣщика, у котораго умиралъ единственный, обожаемый сынъ. Старикъ измучился, не отходилъ отъ больнаго ни днемъ ни ночью, по цѣлымъ недѣлямъ, наконецъ утомился совершенно

и пошелъ прилечь въ сосѣднюю комнату, отдавъ приказанiе, чтобъ его тотъ часъ разбудили, если больному сдѣлается хуже. Не успѣлъ онъ заснуть, какъ человѣкъ бѣжитъ. „Пожалуйте!“—Что, неужели хуже?—„Какой хуже! Скончался совсѣмъ!“ При этой развязкѣ всѣ лица слушавшихъ со вниманiемъ разсказъ вытянулись, раздались вздохи, общiй возгласъ и вопросъ: Ахъ Боже мой! Ну что же бѣдный отецъ?—„Да что жъ ему дѣлать, продолжалъ хладнокровно Гоголь, разтопырилъ руки, пожалъ плечами, покачалъ головой, да и свиснулъ: фю, фю.“—Громкiй хохотъ дѣтей заключилъ анекдотъ, а тетушка, съ полнымъ на то правомъ, разсердилась на эту шутку, дѣйствительно въ минуту общей печали весьма неумѣстную. Трудно объяснить себѣ, зачѣмъ Гоголь, всегда кроткiй и застѣнчивый въ обществѣ, рѣшился на подобную выходку. Быть можетъ, онъ вздумалъ развеселить дѣтей отъ господствовшаго въ домѣ грустнаго настроенiя;

быть можетъ, онъ, самъ того не замѣчая, увлекся бившей въ немъ постоянно струей неодолимаго комизма. Впрочемъ онъ очень любилъ это окончаніе едва внятнымъ свистомъ и кончилъ имъ свою комедію Женидьба. Я помню, что онъ читалъ ее однажды у Жуковскаго въ одну изъ тѣхъ пятницъ, гдѣ собиралось общество (тогда немалочисленное) Русскихъ литературныхъ, ученыхъ и артистическихъ знаменитостей. При послѣднихъ словахъ. „Но когда женихъ выскочилъ въ окно, то уже...“ онъ скорчилъ такую гримасу и такъ уморительно свиснулъ, что всѣ слушатели покатились со смѣху. При представленіи этотъ свистъ замѣнила, кажется, актриса Гусева, словами: „такъ ужъ просто мое почтеніе“, чтó всегда и говорится теперь. Но этотъ конецъ далеко не такъ комиченъ и оригиналенъ, какъ тотъ, который придуманъ былъ Гоголемъ. Онъ не завершаетъ пьесы и не довершаетъ въ зрителѣ, послѣдней комической чертой, общаго впечатлѣнія

послѣ комедіи, основанной на одномъ только юморѣ.

Пушкинъ познакомился съ Гоголемъ и разсказалъ ему про случай, бывшій въ г. Устюжнѣ Новогородской губерніи о какомъ то проѣзжемъ господинѣ, выдавшемъ себя за чиновника министерства и обобравшемъ всѣхъ городскихъ жителей. Кромѣ того Пушкинъ, самъ будучи въ Оренбургѣ, узналъ, что о немъ получена гр. В. А. Перовскимъ секретная бумага, въ которой послѣдній предостерегался, чтобъ былъ остороженъ, такъ какъ исторія Пугачевскаго бунта была только предлогомъ, а поѣздка Пушкина имѣла цѣлью обревизовать секретно дѣйствія Оренбургскихъ чиновниковъ. На этихъ двухъ данныхъ задуманъ былъ Ревизоръ, коего Пушкинъ называлъ себя всегда крестнымъ отцомъ (*). Сюжетъ Мерт-

---

(*) Въ однихъ неизданныхъ запискахъ о жизни Пушкина, это разсказано слѣдующимъ образомъ: „Въ поѣздку свою въ Уральскъ, для собиранія свѣдѣній о Пугачевѣ, въ 1833 г, Пуш-

выхъ Душъ тоже сообщенъ Пушкинымъ. „Никто, говаривалъ онъ, не умѣетъ луч-

---

кинъ былъ въ Нижнемъ, гдѣ тогда губернаторомъ былъ М. П. Б. Онъ прекрасно принялъ Пушкина, ухаживалъ за нимъ и вѣжливо проводилъ его. Изъ Нижняго Пушкинъ поѣхалъ прямо въ Оренбургъ, гдѣ командовалъ его давнишній пріятель, гр. Василій Алексѣевичъ Перовскій. Пушкинъ у него и остановился. Разъ они долго сидѣли вечеромъ. Поздно утромъ Пушкина разбудилъ страшный хохотъ. Онъ видитъ: стоитъ Перовскій, держитъ письмо въ рукахъ и заливается хохотомъ. Дѣло въ томъ, что онъ получилъ письмо отъ Б. изъ Нижняго, содержанія такого „У насъ недавно проѣзжалъ Пушкинъ. Я, зная, кто онъ, обласкалъ его, но должно признаться, никакъ не вѣрю, чтобы онъ разъѣзжалъ за документами объ Пугачевскомъ бунтѣ; должно быть ему дано тайное порученіе собирать свѣдѣнія объ неисправностяхъ. Вы знаете мое къ вамъ расположеніе; я почелъ долгомъ вамъ посовѣтовать, чтобъ вы были осторожнѣе, и пр.“ Тогда Пушкину пришла идея написать комедію: Ревизоръ. Онъ сообщилъ послѣ объ этомъ Гоголю, разсказывалъ нѣсколько разъ другимъ и собирался самъ что-то написать въ этомъ родѣ (Слышано отъ самаго Пушкина).

Далѣе разсказываютъ за вѣрное, что и мысль о Мертвыхъ Душахъ тоже принадлежала Пуш-

ше Гоголя подмѣтить всю пошлость Русскаго человѣка“. Но у Гоголя были еще другія, громадныя достоинства, и мнѣ кажется, что Пушкинъ никогда въ томъ вполнѣ не убѣдился.

Во всякомъ случаѣ онъ не ожидалъ, чтобъ имя Гоголя стало подлѣ, если не выше, его собственнаго имени. Пушкинъ былъ великимъ художникомъ, Гоголь геніемъ. Пушкинъ все подчинялъ условіямъ пластики, эстетики, искусства: Гоголь ни къ чему не готовился, не слѣдовалъ никакимъ правиламъ, никакимъ образцамъ, не зналъ ни грамматики, ни

кину. Въ Москвѣ Пушкинъ былъ съ однимъ пріятелемъ на бѣгу. Тамъ былъ также нѣкто П. (старинный франтъ). Указывая на него Пушкину, пріятель разсказалъ про него, какъ онъ скупилъ себѣ мертвыхъ душъ, заложилъ ихъ и получилъ большой барышъ. Пушкину это очень понравилось. „Изъ этого можно было бы сдѣлать романъ«, сказалъ онъ между прочимъ Это было еще до 1828 года. Гоголь въ оставшейся между его бумагами Исповѣди подтверждаетъ самъ оба эти показанія.“ *П. Б.*

правописанія. Онъ былъ самобытенъ, самороденъ, и часто грѣшилъ противъ эстетическаго вкуса. Онъ обогатилъ Русскую словесность своей личностью, своими произведеніями; но нельзя сказать, чтобъ школа, имъ порожденная, принесла пользу: напротивъ она, за отсутствіемъ генія, принялась подражать недостаткамъ и утратила многія необходимыя условія настоящаго искусства. Вліяніе Пушкина было во многомъ благотворнѣе. Оно облагородило, усовершенствовало, гармонизировало Русскую рѣчь, Русскій слогъ. Оно поддержало и поддерживаетъ понынѣ художественные, вѣчные законы простоты, соразмѣрности, формы, колорита, идеальнаго пониманія истины и разборчиваго изображенія природы. Гоголь еще вѣроятно выростетъ въ мнѣніи Русскаго народа, по созданнымъ имъ живымъ типамъ, не уступающимъ типамъ Мольеровскимъ, но школа его исчезнетъ. Пушкинъ утратитъ, можетъ быть, еще болѣе современной ему свѣжести его произведе-

нiй; но какъ образецъ, какъ художникъ, какъ примѣръ и учитель, онъ будетъ оцѣненъ съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе и укажетъ еще Русской словесности, на какомъ пути, въ силу какихъ правилъ, она можетъ развиваться, окрѣпнуть и принести настоящую государственную пользу нашему народному образованiю. Отличительнымъ свойствомъ великихъ талантовъ бываетъ всегда уваженiе къ настоящему или даже мнимому превосходству. Гоголь благоговѣлъ передъ Пушкинымъ, Пушкинъ передъ Жуковскимъ. Я слышалъ однажды между послѣдними слѣдующiй разговоръ. „Василiй Андреевичъ, какъ вы написали бы такое то слово?"—На что тебѣ? (Надо замѣтить что Пушкинъ говорилъ Жуковскому *вы*, а Жуковской Пушкину *ты*.) „Мнѣ надобно знать, отвѣчалъ Пушкинъ, какъ бы вы написали."—Какъ бы написали, такъ и слѣдуетъ писать. Другихъ правилъ не нужно.

Жуковскiй былъ типомъ душевной чи-

стоты, идеальнаго направленія и самаго свѣтлаго, тихаго добродушія, выражавшагося иногда весьма оригинально. Возвратившись изъ Англіи, гдѣ онъ восхищался зеленѣющими тучными пастбищами, онъ говорилъ съ восторгомъ: „Что за край! Что за край! Вотъ такъ и хочется быть коровой, чтобъ наслаждаться жизнью". Когда сгорѣлъ Зимній Дворецъ, половина, на которой жилъ Жуковскій, уцѣлѣла какимъ то чудомъ. Жуковскій былъ этимъ очень не доволенъ и, возвратясь въ свою комнату, обратился къ ней съ досадой: „Свинья, какъ же ты-то смѣла не сгорѣть!" Жуковскій былъ очень друженъ съ Плетневымъ, и по ихъ протекціи Гоголь получилъ мѣсто при Петербургскомъ университетѣ, но, кажется, читалъ только двѣ лекціи. Онъ издалъ тогда *Вечера на хуторѣ*, *Арабески*, *Миргородъ* и сдѣлался уже извѣстнымъ. Впрочемъ я тогда потерялъ его изъ виду и сблизиться съ нимъ мнѣ суждено было уже послѣ, за границей. ....

Прошло нѣсколько лѣтъ. Изъ Дерптскихъ студентовъ, 20 лѣтъ, я поступилъ на службу и тогда же затѣялъ жениться, что́ мнѣ не удалось, но послужило поводомъ къ одной странной исторіи, положившей основаніе моему сближенію съ Пушкинымъ. Я рѣшился на время оставить Петербургъ и просилъ какой нибудь командировки по министерству внутреннихъ дѣлъ, гдѣ числился по департаменту духовныхъ дѣлъ, директоромъ котораго былъ Ф. Ф. Вигель. (Онъ на меня очень сердился за то, что я разъ сказалъ, что ни онъ ни я никогда въ департаментѣ не бываемъ). Командировку мнѣ дали: я былъ назначенъ секретаремъ слѣдственной коммиссіи, отправляемой въ Ржевъ, Тверской губерніи, по случаю совершеннаго тамъ раскольниками святотатства. Предсѣдателемъ коммиссіи былъ назначенъ только что вернувшійся тогда изъ Іерусалима А. С. Н. Онъ взялъ меня въ свою коляску. Выѣхавъ изъ Царскаго Села, мы вышли для предосторожности, чтобъ спу-

ститься подъ гору пѣшкомъ, и тутъ А. С. обратился ко мнѣ съ вопросомъ:

„Вы знаете, какъ производятся слѣдствія?“

—Нѣтъ, отвѣчалъ я, не знаю; я служу недавно и о слѣдственыхъ дѣлахъ никакого понятія не имѣю.

«Да и я тоже, сказалъ жалобно А. С. Я вѣдь на васъ надѣялся.“

—А я на васъ, ваше пр—во.

Вотъ какъ тогда назначались слѣдствія.

Въ Твери мы достали собраніе законовъ и сѣли учиться, послѣ чего поѣхали въ Ржевъ. Слѣдствіе продолжалось долго и было, къ удивленію, ведено исправно. Оно ознаменовалось разными любопытными эпизодами, о которыхъ здѣсь упоминать впрочемъ не мѣсто. Самымъ же замѣчательнымъ для меня было полученное мною отъ Андрея Карамзина письмо, въ которомъ онъ меня спрашивалъ, зачѣмъ же я не отвѣчаю на вызовъ А. С. Пушкина: Карамзинъ поручился ему за меня, какъ за своего Дерпт-

скаго товарища, что я отъ поединка не откажусь.

Для меня это было совершенной загадкой. Пушкина я зналъ очень мало, встрѣчался съ нимъ у Карамзиныхъ, смотрѣлъ на него какъ на полу-бога и былъ только сильно имъ однажды озадаченъ, когда спросилъ у него на Невскомъ Проспектѣ съ нѣкоторой развязанностью, не проведемъ ли мы вмѣстѣ вечеръ у одного извѣстнаго журналиста. — „Я человѣкъ женатый" отвѣчалъ мнѣ Пушкинъ, „и въ такіе дома ѣздить не могу", и прошелъ далѣе. И вдругъ ни съ того, ни съ сего, онъ вызываетъ меня стрѣляться, тогда какъ передъ отъѣздомъ я съ нимъ даже не видѣлся вовсе. Рѣшительно нельзя было ничего тутъ понять, кромѣ того, что Пушкинъ чѣмъ то обидѣлся, о чемъ то мнѣ писалъ и что письмо его было перехвачено. Слѣдствіе кончилось. Я переѣхалъ жить въ Тверь, гдѣ былъ принятъ, какъ родной, въ домѣ незабвеннаго для меня умнаго, радушнаго и добродушнаго

слѣпаго старика А. М. Бакунина. Сынъ его Михаилъ, надѣлавшій въ послѣдствіи столько шума, скрывался у него тогда отъ артиллерійской службы, и по страсти своей къ побѣгамъ, вдругъ ночью убѣжалъ таинственно отъ кроткаго, любящаго его отца, который его вовсе не задерживалъ и послалъ ему въ погоню шубу и пироговъ на дорогу. Съ Карамзинымъ я списался и узналъ наконецъ, въ чемъ дѣло. Наканунѣ моего отъѣзда я былъ на вечерѣ вмѣстѣ съ Нат. Ник. Пушкиной, которая шутила надъ моей романической страстью и ея предметомъ. Я ей хотѣлъ замѣтить, что она уже не дѣвочка и спросилъ, давно ли она за мужемъ. Затѣмъ разговоръ коснулся Ленскаго, очень милаго и образованнаго поляка, танцовавшаго тогда превосходно мазурку на Петербургскихъ балахъ. Все это было до крайности невинно, и безъ всякой задней мысли. Но присутствующія дамы соорудили изъ этого простаго разговора цѣлую сплетню: что я будто отъ

того говорилъ про Ленскаго, что онъ будто нравится Натальѣ Николаевнѣ (чего никогда не было) и что она забываетъ о томъ, что она еще недавно за мужемъ. Наталья Николаевна, должно быть, сама разсказала Пушкину про такое странное истолкованіе моихъ словъ, такъ какъ она вообще ничего отъ мужа не скрывала, хотя и знала его пламенную, необузданную природу. Пушкинъ написалъ тотчасъ ко мнѣ письмо, никогда ко мнѣ не дошедшее, и, какъ мнѣ было передано, началъ говорить, что я уклоняюсь отъ дуели. Получивъ это объясненіе, я написалъ Пушкину, что я совершенно готовъ къ его услугамъ, когда ему будетъ угодно, хотя не чувствую за собой никакой вины по такимъ и такимъ-то причинамъ. Пушкинъ остался моимъ письмомъ доволенъ и сказалъ С. А. Соболевскому: „Немножко длинно, молодо, а впрочемъ хорошо". Въ то же время онъ написалъ мнѣ по французски письмо слѣдующаго содержанія: „М. г. Вы приняли на себя

напрасный трудъ, сообщивъ мнѣ объясненія, которыхъ я не спрашивалъ. Вы позволили себѣ невѣжливость относительно жены моей. Имя, вами носимое и общество, вами посѣщаемое, вынуждаютъ меня требовать отъ васъ сатисфакціи за непристойность вашего поведенія Извините меня, если я не могу пріѣхать въ Тверь преж де конца настоящаго мѣсяца" и пр. Оригиналъ этаго письма долго у меня хранился, но потомъ кѣмъ то у меня взятъ, едва ли не въ Симбирскѣ. Дѣлать было нечего; я сталъ готовиться къ поединку, купилъ пистолеты, выбралъ секунданта, привелъ бумаги въ порядокъ и началъ дожидаться и прождалъ такъ напрасно три мѣсяца. Я твердо впрочемъ рѣшился не стрѣлять въ Пушкина, но выдерживать его огонь, сколько ему будетъ угодно. Пушкинъ все не пріѣзжалъ, но распрашивалъ про дорогу, на что̀ одинъ мой тогдашній пріятель, нынѣ государственный сановникъ, навѣстившій меня проѣздомъ черезъ Тверь, отвѣчалъ, что до Твери до-

рога хорошая. Вѣроятно гнѣвъ Пушкина давно уже охладѣлъ, вѣроятно онъ понималъ неумѣстность поединка съ молодымъ человѣкомъ, почти ребенкомъ, изъ самой пустой причины „во избѣжаніе какой-то свѣтской молвы". Наконецъ отъ того же пріятеля узналъ я, что въ Петербургѣ явился новый французъ, роялистъ *Дантесъ*, сильно уже надоѣдавшій Пушкину. (*) Съ другой стороны онъ, по особо-

(*) Баронъ *Жоржъ Дантесъ*, нынѣ богатый Эльзасскій помѣщикъ и французскій сенаторъ, усыновленный голландскимъ посланникомъ при нашемъ дворѣ барономъ Гекерномъ и присоединившій къ своему фамильному имени его имя, прибылъ въ Россію для поступленія въ нашу службу около 1833 года. Онъ былъ легитимистъ, и это самое, при тогдашнихъ политическихъ отношеніяхъ, могло облегчить ему его успѣхи въ Петербургѣ. Императрица Александра Ѳеодоровна видала его у графини Фикельмонъ, императоръ Николай Павловичъ случайно встрѣтилъ его у соотечественника его батальнаго живописца Ладюрнера, и дозволилъ вступить въ Кавалергардскій полкъ. Ему выдавалось ежегодное негласное пособіе (см. у Аммосова стр. 5—7). Поразительная случайность: въ памятной книжкѣ Пу-

му щегольству его привычекъ, не хотѣлъ уже отказаться отъ дѣла, имъ затѣянна-

---

шкина, гдѣ онъ записывалъ разные анекдоты, встрѣчи и пр., отмѣченъ пріѣздъ въ Петербургъ Дантеса Вѣроятно онъ много о немъ наслышался отъ гр. Фикельмонъ, съ которою былъ друженъ. Познакомились они съ Дантесомъ въ 1833 г., сидя рядомъ за общимъ столомъ въ извѣстной ресторацiи Дюме. Долгое время, отношенія ихъ не только были сносны, но Пушкинъ даже восхищался острыми словами Дантеса и съ добродушнымъ смѣхомъ передавалъ ихъ. Такъ однажды онъ ѣхалъ на балъ съ женою и двумя свояченицами; встрѣтивъ его у дверей, Дантесъ воскликнулъ: Voila le pacha à trois queues! (Вотъ трехбунчужный паша!) Въ другой разъ Пушкинъ при немъ говорилъ, какъ бы ему назвать журналъ, который ему хочется издавать въ родѣ англійскаго Quarterly Review — Donnez lui le nom de Kvartalny Nadziratel (назовите его Квартальный Надзиратель), замѣтилъ Дантесъ.— Когда разобраны будутъ всѣ обстоятельства и подробности несчастной исторіи, по всему вѣроятію окажется несомнѣнно, что молодой кавалергардъ былъ только орудіемъ скрытой каверзы другихъ лицъ. Въ Современникѣ 1863 г. (іюль, стр. 317—328) неизвѣстный авторъ, разбирая книжку г. Аммосова о послѣднихъ дняхъ жизни Пушкина, прямо обвиняетъ тогдашнее Петер-

го. Весной я получилъ отъ моего министра графа Блудова предписаніе немедленно отправиться въ Витебскъ въ распоряженіе ген. губернатора Дьякова. Я забылъ сказать, что я завѣдывалъ въ то время принадлежавшей моей матушкѣ Тверской вотчиной. Передъ отъѣздомъ въ Витебскъ нужно было сдѣлать нѣсколько распоряженій. Я и поѣхалъ въ деревню на два дня; вечеромъ въ Тверь пріѣхалъ Пушкинъ. На всякій случай я оставилъ письмо, которое отвезъ ему мой секундантъ князь Козловскій. Пушкинъ жалѣлъ, что не засталъ меня, извинялся и былъ очень любезенъ и разговорчивъ съ Козловскимъ. На другой день онъ уѣхалъ въ Москву. На третій я вернулся въ Тверь и съ ужасомъ узналъ, съ кѣмъ я разъѣхался. Первой моей мыслью было,

---

бургское общество и гр. Б. въ гибели поэта, утверждая, что даже и друзья Пушкина только раздражали его своимъ участіемъ, а начальство не приняло нужныхъ мѣръ къ предупрежденію поединка. *П. Б.*

что онъ подумаетъ, пожалуй, что я отъ него убѣжалъ. Тутъ мѣшкать было нечего. Я послалъ тотъчасъ за почтовой тройкой и безъ оглядки поскакалъ прямо въ Москву, куда пріѣхалъ на разсвѣтѣ и велѣлъ везти себя прямо къ П. В. Нащокину, у котораго останавливался Пушкинъ. Въ домѣ всѣ еще спали. Я вошелъ въ гостинную и приказалъ человѣку разбудить Пушкина. Черезъ нѣсколько минутъ онъ вышелъ ко мнѣ въ халатѣ, заспанный и началъ чистить необыкновенно длинные ногти. Первыя взаимныя привѣтствія были очень холодны. Онъ спросилъ меня, кто мой секундантъ. Я отвѣчалъ, что секундантъ мой остался въ Твери, что въ Москву я только пріѣхалъ и хочу просить быть моимъ секундантомъ извѣстнаго генерала князя Ѳ. Гагарина. Пушкинъ извинился, что заставилъ меня такъ долго дожидаться и объявилъ, что его секундантъ П. В. Нащокинъ.

За тѣмъ разговоръ нѣсколько оживился, и мы начали говорить объ начатомъ

имъ изданіи Современника. „Первый томъ былъ слишкомъ хорошъ, сказалъ Пушкинъ. Второй я постараюсь выпустить поскучнѣе: публику баловать не надо.“ Тутъ онъ разсмѣялся, и бесѣда между нами пошла почти дружеская, до появленія Нащокина. Павелъ Войновичъ явился въ свою очередь заспанный, съ взъерошенными волосами, и, глядя на мирный его ликъ, я невольно пришелъ къ заключенію, что никто изъ насъ не ищетъ кровавой развязки, а что дѣло въ томъ, какъ бы всѣмъ выпутаться изъ глупой исторіи, не уронивъ своего достоинства. Павелъ Войновичъ тотъ часъ приступилъ къ роли примирителя. Пушкинъ непремѣнно хотѣлъ, чтобъ я передъ нимъ извинился. Обиженнымъ онъ впрочемъ себя не считалъ, но ссылался на мое свѣтское значеніе и какъ будто боялся компрометировать себя въ обществѣ, если оставитъ безъ удовлетворенія дѣло, получившее уже въ небольшомъ кругу нѣкоторую огласку. Я съ своей стороны объявлялъ, что изви-

няться передъ нимъ ни подъ какимъ видомъ не стану, такъ какъ я не виноватъ рѣшительно ни въ чемъ; что слова мои были перетолкованы превратно и сказаны въ такомъ то смыслѣ. Споръ продолжался довольно долго. Наконецъ мнѣ было предложено написать нѣсколько словъ Натальѣ Николаевнѣ. На это я согласился, написалъ прекудрявое французское письмо, которое Пушкинъ взялъ, и тотъ часъ же протянулъ мнѣ руку, послѣ чего сдѣлался чрезвычайно веселъ и дружелюбенъ. Этому прошло 30 лѣтъ: многое конечно я уже забылъ, но самое обстоятельство мнѣ весьма памятно, потому что было основаніемъ ближайшихъ въ послѣдствіи моихъ сношеній съ Пушкинымъ, и кромѣ того выказываетъ одну странную сторону его характера, а именно его пристрастіе къ свѣтской молвѣ, къ свѣтскимъ отличіямъ, толкамъ и условіямъ.

Моя исторія съ Пушкинымъ можетъ быть немаловажнымъ матеріаломъ для будущаго его біографа. Она служитъ

прологомъ къ кровавой драмѣ его кончины; она объясняетъ, какъ развивались въ немъ чувства тревоги, томленія, досады и безсилія противъ удушливой свѣтской сферы, которой онъ подчинялся. И тутъ, какъ и послѣ, жена его была только невиннымъ предлогомъ, а не причиной его взрывочнаго возмущенія противъ судьбы. И не смотря на то, онъ дорожилъ своимъ великосвѣтскимъ положеніемъ. Il n'y a qu'une seule bonne societé, говаривалъ онъ мнѣ потомъ, c'est la bonne. Письмо же мое Пушкинъ, кажется, изорвалъ, такъ какъ оно никогда не дошло по своему адресу. Тотъ часъ же послѣ нашего объясненія, я уѣхалъ въ Витебскъ. Къ осени, я вернулся въ Петербургъ и уже тогда коротко сблизился съ Пушкинымъ. Онъ поощрялъ мои первые литературные опыты, давалъ мнѣ совѣты, читалъ свои стихи и былъ чрезвычайно ко мнѣ благосклоненъ, не смотря на разность нашихъ лѣтъ. Почти каждый день ходили мы гулять по толкучему рын-

ку, покупали тамъ сайки, потомъ, возвращаясь по Невскому Проспекту, предлагали эти сайки свѣтскимъ разряженымъ щеголямъ, которые бѣгали отъ насъ съ ужасомъ. Вечеромъ мы встрѣчались у Карамзиныхъ, у Вяземскихъ, у кн. Одоевскаго и на свѣтскихъ балахъ. Не могу простить себя, что не записывалъ каждый день, что̀ отъ него слышалъ. Отношенія его къ Дантесу были уже весьма недружелюбныя. Однажды на вечерѣ у кн. Вяземскаго онъ вдругъ сказалъ, что Дантесъ носитъ перстень съ изображеніемъ обезьяны. Дантесъ былъ тогда легитимистомъ и носилъ на рукѣ портретъ Генриха V-го. „Посмотрите на эти черты, воскликнулъ тотчасъ Дантесъ, похожи ли онѣ на г-на Пушкина?" Размѣнъ невѣжливостей остался однако безъ послѣдствія. Пушкинъ говорилъ отрывисто и ѣдко. Скажетъ, бывало, колкую эпиграмму и вдругъ зальется звонкимъ, добродушнымъ, дѣтскимъ смѣхомъ, выказавая два ряда бѣлыхъ, арабскихъ зубовъ. Объ этомъ времени мо-

жно бы было еще припомнить много анекдотовъ, остротъ и шутокъ. Въ сущности Пушкинъ былъ до крайности несчастливъ, и главное его несчастіе заключалось въ томъ, что онъ жилъ въ Петербургѣ и жилъ свѣтской жизнью, его убившей. Пушкинъ находился въ средѣ, надъ которой не могъ не чувствовать своего превосходства, а между тѣмъ въ то же время чувствовалъ себя почти постоянно униженнымъ и по достатку, и по значенію въ этой аристократической сферѣ, къ которой онъ имѣлъ, какъ я сказалъ выше, какое то непостижимое пристрастіе. Наше общество такъ еще устроено, что величайшій художникъ безъ чина становится въ оффиціальномъ мірѣ ниже послѣдняго писаря. Когда при разъѣздахъ кричали: Карету Пушкина!—Какого Пушкина? -- Сочинителя! Пушкинъ обижался, конечно не за названіе, а за то пренебреженіе, которое оказывалось къ названію. За это и онъ оказывалъ наружное будто бы пренебреженіе къ нѣкоторымъ свѣт-

скимъ условіямъ, не слѣдовалъ модѣ и ѣздилъ на балы въ черномъ галстукѣ, въ дву-бортномъ жилетѣ, съ откидными, ненакрахмаленными воротничками, подражая, быть можетъ, невольно Байроновскому джентельменству; прочимъ же условіямъ онъ подчинялся. Жена его была красавица, украшеніе всѣхъ собраній и слѣдовательно предметъ зависти всѣхъ ея сверстницъ. Для того, чтобъ приглашать ее на балы, Пушкинъ пожалованъ былъ камеръ-юнкеромъ. Пѣвецъ свободы, наряженный въ придворный мундиръ, для сопутствованія женѣ-красавицѣ, игралъ роль жалкую, едва ли не смѣшную. Пушкинъ былъ не Пушкинъ, а царедворецъ и мужъ. Это онъ чувствовалъ глубоко. Къ тому же свѣтская жизнь требовала значительныхъ издержекъ, на которыя у Пушкина часто не доставало средствъ. Эти средства онъ хотѣлъ пополнять игрою, но постоянно проигрывалъ, какъ всѣ люди, нуждающіеся въ выигрышѣ. Наконецъ онъ имѣлъ много литературныхъ

враговъ, которые не давали ему покоя и уязвляли его раздражительное самолюбіе, провозглашая съ свойственной этимъ господамъ самоувѣренностью, что Пушкинъ ослабѣлъ, устарѣлъ, исписался, что̀ было совершенная ложь, но ложь все таки обидная. Пушкинъ возражалъ съ свойственной ему сокрушительной ѣдкостью, но не умѣлъ пріобрѣсти необходимаго для писателя равнодушія къ печатнымъ оскорбленіямъ. Журналъ его, „Современникъ" шелъ плохо. Пушкинъ не былъ рожденъ журналистомъ. Въ свѣтѣ его не любили, потому что боялись его эпиграммъ, на которыя онъ не скупился, и за нихъ онъ нажилъ себѣ въ цѣлыхъ семействахъ, въ цѣлыхъ партіяхъ, враговъ непримиримыхъ. Въ семействѣ онъ былъ счастливъ, на сколько можетъ быть счастливъ поэтъ, не рожденный для семейной жизни. Онъ обожалъ жену, гордился ея красотой и былъ въ ней вполнѣ увѣренъ. Онъ ревновалъ къ ней не потому, чтобы въ ней сомнѣвался, а потому, что страшился свѣтской молвы,

страшился сдѣлаться еще болѣе смѣшнымъ передъ свѣтскимъ мнѣніемъ. Эта боязнь была причиной его смерти, а не г. Дантесъ, котораго бояться ему было нечего. Когда онъ меня вызывалъ, онъ высказалъ всю свою мысль. „Имя, вами носимое, общество, вами посѣщаемое, принуждаютъ меня просить сатисфакціи". Слѣдовательно онъ вступался не за обиду, которой не было, а боялся огласки, боялся молвы, и съ Дантесомъ было то же самое. Онъ видѣлъ въ немъ не серьознаго соперника, не посягателя на его настоящую честь, а посягателя на его имя, и этого онъ не перенесъ.

*

Я жилъ тогда въ Большой Морской, у тетки моей Васильчиковой. Въ первыхъ числахъ ноября (1836) она велѣла однажды утромъ меня позвать къ себѣ и сказала: „Представь себѣ, какая странность! Я получила сего дня пакетъ на мое имя, распечатала и нашла въ немъ другое, за-

печатанное письмо, съ надписью: Александру Сергѣевичу Пушкину. Что мнѣ съ этимъ дѣлать?" Говоря такъ, она вручила мнѣ письмо, на которомъ было дѣйствительно написано кривымъ, лакейскимъ почеркомъ: *Александру Сергѣичу Пушкину.* Мнѣ тотчасъ же пришло въ голову, что въ этомъ письмѣ что-нибудь написано о моей прежней личной исторіи съ Пушкинымъ, что слѣдовательно уничтожить я его не долженъ, а распечатать не въ правѣ. За тѣмъ я отправился къ Пушкину, и, не подозрѣвая нисколько содержанія приносимаго много гнуснаго пасквиля, передалъ его Пушкину. Пушкинъ сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ, распечаталъ конвертъ, и тотчасъ сказалъ мнѣ: „Я ужъ знаю, что такое; я такое письмо получилъ согодня же отъ Елиз. Мих. Хитровой: это мерзость противъ жены моей. Впрочемъ понимаете, что безъимяннымъ письмомъ я обижаться не могу. Если кто-нибудь сзади плюнетъ на мое платье, такъ это дѣло моего камердинера вычистить

платье, а не мое. Жена моя — ангелъ, никакое подозрѣніе коснуться ея не можетъ. Послушайте, что̀ я по сему предмету пишу г-жѣ Хитровой". Тутъ онъ прочиталъ мнѣ письмо, вполнѣ сообразное съ его словами. (*) Въ сочиненіи присланнаго ему всѣмъ извѣстнаго диплома, онъ подозрѣвалъ одну даму, которую мнѣ и назвалъ. Тутъ онъ говорилъ спокойно, съ большимъ достоинствомъ, и, казалось, хотѣлъ

(*) „4 Ноября поутру я получилъ три экземпляра анонимнаго письма, оскорбительнаго для моей чести, и чести моей жены." Слова Пушкина въ письмѣ къ гр. Бенкендорфу отъ 21 Ноября 1836 г. (см. въ книжкѣ г. А. Аммосова стр. 45). Изъ послѣдующаго разсказа читатель замѣтитъ важность этого числа (21 ноября): Пушкинъ объявилъ обо всемъ гр. Бенкендорфу въ самый день, какъ отказался отъ поединка вслѣдствіе желанія противника жениться на его свояченицѣ. Стало быть, онъ не вѣрилъ нисколько въ искренность Дантеса. Тогда же онъ написалъ и ругательное письмо къ посланнику Гекерну, которое удержалъ у себя мѣсяца на два и которое было поводомъ окончательнаго взрыва.

П. Б.

оставить все дѣло безъ вниманія. Только двѣ недѣли спустя, узналъ я, что въ этотъ же день онъ послалъ вызовъ кавалергардскому поручику Дантесу, усыновленному, какъ извѣстно, голландскимъ посланникомъ, барономъ Гекерномъ. Я продолжалъ за тѣмъ гулять, по обыкновенію, съ Пушкинымъ и не замѣчалъ въ немъ особой перемѣны. Однажды спросилъ я его только, не дознался ли онъ, кто сочинилъ подметныя письма. Точно такія же письма были получены всѣми членами тѣснаго Карамзинскаго кружка, но истреблены ими тотчасъ по прочтеніи. Пушкинъ отвѣчалъ мнѣ, что не знаетъ, но подозрѣваетъ одного человѣка. S'il vous faut un troisième, ou un second, сказалъ я ему, disposez de moi. Эти слова сильно тронули Пушкина, и онъ мнѣ сказалъ тутъ нѣсколько такихъ лестныхъ словъ, что я не смѣю ихъ повторить; но слова эти остались отраднѣйшимъ воспоминаніемъ моей литературной жизни. Сколько разъ въ послѣдствіи, когда имя мое, болѣе

чѣмъ я самъ, подвергалось насмѣшкамъ и ругательствамъ журналистовъ, доходившимъ иногда до клеветы, я смирялъ свою минутную досаду повтореніемъ словъ, сказанныхъ мнѣ главою Русскихъ писателей какъ бы въ предвѣдѣніи, что и для моей скромной доли не мало нужно будетъ твердости, чтобъ выдержать многія непонятныя, печатанныя на авось и незаслуженныя оскорбленія. Порадовавъ меня своимъ отзывомъ, Пушкинъ прибавилъ: „Дуэли никакой не будетъ; но я, можетъ быть, попрошу васъ быть свидѣтелемъ одного объясненія, при которомъ присутствіе свѣтскаго человѣка (опять таки свѣтскаго человѣка) мнѣ желательно, для надлежащаго заявленія, въ случаѣ надобности". Все это было говорено по французски. Мы зашли къ оружейнику. Пушкинъ прицѣнивался къ пистолетамъ, но не купилъ, по неимѣнію денегъ. Послѣ того мы заходили еще въ лавку къ Смирдину, гдѣ Пушкинъ написалъ записку Кукольнику, кажется, съ требовані-

емъ денегъ. Я между тѣмъ оставался у дверей и импровизировалъ эпиграмму:

Коль ты къ Смирдину войдешь,
Ничего тамъ не найдешь,
Ничего ты тамъ не купишь,
Лишь Сенковскаго толкнешь.

Эти четыре стиха я сказалъ выходящему Александру Сергѣевичу, который съ необыкновенною живостью заключилъ:

Иль въ Б........ наступишь.

Я былъ совершенно покоенъ, такимъ образомъ, на счетъ послѣдствій писемъ, но черезъ нѣсколько дней долженъ былъ разувѣриться. У Карамзиныхъ праздновался день рожденія старшаго сына. Я сидѣлъ за обѣдомъ подлѣ Пушкина. Во время общаго веселаго разговора, онъ вдругъ нагнулся ко мнѣ и сказалъ мнѣ скороговоркой: „Ступайте завтра къ д'Аршіаку. Условьтесь съ нимъ только на счетъ матеріальной стороны дуэли. Чѣмъ кровавѣе, тѣмъ лучше. Ни на какія объясненія не соглашайтесь". Потомъ онъ продолжалъ шутить и разговаривать,

какъ бы ни въ чемъ не бывало. Я остолбенѣлъ, но возражать не осмѣлился. Въ тонѣ Пушкина была рѣшительность, не допускавшая возраженій. Вечеромъ я поѣхалъ на большой раутъ къ Австрійскому посланнику графу Фикельмону. На раутѣ всѣ дамы были въ траурѣ, по случаю смерти Карла X. Одна Катерина Николаевна Гончарова, сестра Натальи Николавны Пушкиной (которой на раутѣ не было) отличалась отъ прочихъ бѣлымъ платьемъ. Съ ней любезничалъ Дантесъ-Гекернъ. Пушкинъ пріѣхалъ поздно, казался очень встревоженъ, запретилъ Катеринѣ Николаевнѣ говорить съ Дантесомъ и, какъ узналъ я потомъ, самому Дантесу высказалъ нѣсколько болѣе чѣмъ грубыхъ словъ, Съ д'Аршіакомъ, статнымъ молодымъ секретаремъ Французскаго посольства (*), мы выразительно переглянулись и разошлись, не будучи знакомы. Дантеса я взялъ въ сторону и спро-

---

(*) Д'Аршіакъ имѣлъ титулъ виконта. П. Б.

силъ его, что онъ за человѣкъ. „Я человѣкъ честный, отвѣчалъ онъ, и надѣюсь скоро это доказать". За тѣмъ онъ сталъ объяснять, что не понимаетъ, чего отъ него Пушкинъ хочетъ; что онъ по неволѣ будетъ съ нимъ стрѣляться, если будетъ къ тому принужденъ; но никакихъ ссоръ и скандаловъ не желаетъ. Ночь я, сколько мнѣ помнится, не могъ заснуть: я понималъ, какая лежала на мнѣ отвѣтственность передъ всей Россіей. Тутъ уже было не то, что исторія со мной. Со мной я за Пушкина не боялся. Ни у одного Русскаго рука на него бы не поднялась; но Французу Русской славы жалѣть было нечего.

На другой день погода была страшная, снѣгъ, мятель. Я поѣхалъ сперва къ отцу моему, жившему на Мойкѣ, потомъ къ Пушкину, который повторилъ мнѣ, что я имѣю только условиться на счетъ матеріальной стороны самаго безпощаднаго поединка, и наконецъ, съ замирающимъ сердцемъ, отправился къ д'Ар-

шіаку. Каково же было мое удивленіе, когда съ первыхъ словъ д'Аршіакъ объявилъ мнѣ, что онъ самъ всю ночь не спалъ: что онъ, хотя не Русскій, но очень понимаетъ, какое значеніе имѣетъ Пушкинъ для Русскихъ, и что наша обязанность сперва просмотрѣть всѣ документы, относящіеся до порученнаго намъ дѣла. За тѣмъ онъ мнѣ показалъ:

1) Экземпляръ ругательнаго диплома на имя Пушкина.

2) Вызовъ Пушкина Дантесу, послѣ полученія диплома.

3) Записку посланника барона Гекерна, въ которой онъ просилъ, чтобъ поединокъ былъ отложенъ на двѣ недѣли.

4) Собственноручную записку Пушкина, въ которой онъ объявлялъ, что беретъ свой вызовъ назадъ, на основаніи слуховъ, что г. Дантесъ женится на его невѣсткѣ К. Н. Гончаровой.

Я стоялъ пораженный, какъ будто свалился съ неба. Объ этой свадьбѣ я ничего не слыхалъ, ничего не вѣдалъ и

только тутъ понялъ причину вчерашняго бѣлаго платья, причину двухъ-недѣльной отстрочки, причину ухаживанія Дантеса. Всѣ хотѣли остановить Пушкина. Одинъ Пушкинъ того не хотѣлъ. Мѣра терпѣнія преисполнилась. При полученіи глупаго диплома отъ безъимяннаго негодяя, Пушкинъ обратился къ Дантесу, потому что послѣдній, танцуя часто съ Н. Н., былъ поводомъ къ мерзкой шуткѣ. Самый день вызова неопровержимо доказываетъ, что другой причины не было. Кто зналъ Пушкина, тотъ понимаетъ, что не только въ случаѣ кровной обиды, но что даже при первомъ подозрѣніи, онъ не сталъ бы дожидаться подметныхъ писемъ (*). Одному Богу извѣстно, что̀ онъ въ это время выстрадалъ, воображая себя осмѣян-

(*) Кстати замѣтить, что гнусные интриганы для разсылки анонимныхъ писемъ (въ которыхъ Пушкинъ величался рогоносцемъ) воспользовались только что заведенною тогда въ Петербургѣ городскою почтою: иначе было бы легче обличить ихъ навѣрное. *П. Б.*

нымъ и поруганнымъ въ большомъ свѣтѣ, преслѣдовавшемъ его мелкими безпрерывными оскорбленіями. Онъ въ лицѣ Дантеса искалъ или смерти или расправы съ цѣлымъ свѣтскимъ обществомъ. Я твердо убѣжденъ, что еслибы С. А. Соболевскій былъ тогда въ Петербургѣ, онъ, по вліянію его на Пушкина, одинъ могъ бы удержать его. Прочіе были не въ силахъ (*).

„Вотъ положеніе дѣла, сказалъ д'Аршіакъ. Вчера кончился двухъ-недѣльный срокъ, и я былъ у г. Пушкина съ извѣщеніемъ, что мой другъ Дантесъ готовъ къ его услугамъ. Вы понимаете, что Дантесъ желаетъ жениться, но не можетъ жениться иначе, какъ если г. Пушкинъ откажется просто отъ своего вызова безъ всякаго объясненія, не упоминая о городскихъ слухахъ. Г. Дантесъ не можетъ допустить, чтобъ о немъ говорили, что онъ былъ принужденъ жениться, и же-

(*) Въ августѣ 1836 г. С. А. Соболевскій уѣхалъ въ чужіе края. *П. Б.*

нился во избѣжаніе поединка. Уговорите г. Пушкина безусловно отказаться отъ вызова. Я вамъ ручаюсь, что Дантесъ женится, и мы предотвратимъ, можетъ быть, большое несчастіе". Этотъ д'Аршіакъ былъ необыкновенно симпатичной личностью и самъ скоро потомъ умеръ насильственною смертью на охотѣ (*). Мое

(*) Покойный Иванъ Ивановичъ *Панаевъ*, въ своихъ Литературныхъ Воспоминаніяхъ (Соврем. 1861, № 2, стр. 629) разсказываетъ, что недѣли черезъ двѣ по увозѣ тѣла Пушкина изъ Петербурга, Краевскій объявилъ, что ему поручено разобрать книги и бумаги въ кабинетѣ Пушкина, и что онъ приглашаетъ себѣ въ помощники Сахарова, еще кого-то и его Панаева.

«Мы провозились цѣлый вечеръ. Я между прочимъ нашелъ подъ столомъ, на полу, записку *Мегниса*, бывшаго тогда секретаремъ англійскаго посольства въ Петербургѣ. Пушкинъ просилъ его быть своимъ секундантомъ, и Мегнисъ въ своей запискѣ отказывалъ Пушкину въ этой просьбѣ, замѣчая, что по его положенію онъ не можетъ вмѣшиваться въ такого рода дѣла. Записку эту я передалъ Краевскому, который хотѣлъ отдать ее Жуковскому». По разсказамъ современниковъ, Пушкинъ, часто встрѣчавшійся

положеніе было самое непріятное: я только теперь узнавалъ сущность дѣла; мнѣ предлагали самый блистательный исходъ, то что̀ я и требовать и ожидать бы никакъ не смѣлъ, а между тѣмъ я не имѣлъ порученія вести переговоры. Потолковавъ съ д'Аршіакомъ, мы рѣшились съѣхаться въ три часа у самаго Дантеса. Тутъ возобновились тѣ же предложенія, но въ разговорахъ Дантесъ не участвовалъ, все предоставивъ секунданту. Никогда въ жизнь свою я не ломалъ такъ головы. Наконецъ, потребовавъ бумаги, я написалъ по французски къ Пушкину слѣдующую записку:

„Согласно вашему желанію я условился на счетъ матеріальной стороны по-

---

съ Мегнисомъ (впослѣдствіи англійскимъ посланникомъ въ Португаліи) у гр. Фикельмонъ. весьма уважалъ его за твердый и честный характеръ. Приглашая его въ секунданты, Пушкинъ могъ имѣть въ виду именно его дипломатическое значеніе, такъ какъ настоящимъ своимъ противникомъ считалъ голландскаго посланника барона Гекерна. *П. Б.*

единка. Онъ назначенъ 21 ноября въ 8 часовъ утра на Парголовской дорогѣ, на 10 шаговъ барьера. Впрочемъ изъ разговоровъ узналъ я, что г. Дантесъ женится на вашей свояченицѣ, если вы только признаете, что онъ велъ себя въ настоящемъ дѣлѣ какъ *честный* человѣкъ. Г. д'Аршіакъ и я служимъ вамъ порукой, что свадьба состоится; именемъ вашего семейства умоляю васъ согласиться" и пр.

Точныхъ словъ я не помню, но содержаніе письма вѣрно. Очень мнѣ памятно число 21 ноября, потому что 20 было рожденіе моего отца, и я не хотѣлъ ознаменовать этотъ день кровавой сценой. Д'Аршіакъ прочиталъ внимательно записку; но не показалъ ея Дантесу, не смотря на его требованіе, а передалъ мнѣ и сказалъ: „Я согласенъ. Пошлите." Я позвалъ своего кучера, отдалъ ему въ руки записку и приказалъ вести на Мойку туда, гдѣ я былъ утромъ. Кучеръ ошибся и отвезъ записку къ отцу моему, который жилъ тоже на Мойкѣ и у котораго я то-

же былъ утромъ. Отецъ мой записки не распечаталъ, но, узнавъ мой почеркъ, и очень встревоженный, выглядѣлъ условія о поединкѣ. Однако онъ отправилъ кучера къ Пушкину, тогда какъ мы около двухъ часовъ оставались въ мучительномъ ожиданіи. Наконецъ отвѣтъ былъ привезенъ. Онъ былъ въ общемъ смыслѣ слѣдующаго содержанія: „Прошу гг. секундантовъ считать мой вызовъ недѣйствительнымъ, такъ какъ по городскимъ слухамъ (par le bruit public) я узналъ, что г. Дантесъ женится на моей свояченицѣ. Впрочемъ я готовъ признать, что въ настоящемъ дѣлѣ онъ велъ себя честнымъ человѣкомъ". Этого достаточно, сказалъ д'Аршіакъ, отвѣта Дантесу не показалъ и поздравилъ его женихомъ. Тогда Дантесъ обратился ко мнѣ съ словами: „Ступайте къ г. Пушкину и поблагодарите его, что онъ согласенъ кончить нашу ссору. Я надѣюсь, что мы будемъ видаться, какъ братья."—Поздравивъ съ своей стороны Дантеса, я предложилъ д'Аршіа-

ку лично повторить эти слова Пушкину и ѣхать со мной. Д'Аршіакъ и на это согласился. Мы застали Пушкина за обѣдомъ. Онъ вышелъ къ намъ нѣсколько блѣдный и выслушалъ благодарность, переданную ему д'Аршіакомъ. „Съ моей стороны, продолжалъ я, я позволилъ себѣ обѣщать, что вы будете обходиться съ своимъ зятемъ, какъ съ знакомымъ". — „Напрасно, воскликнулъ запальчиво Пушкинъ. Никогда этого не будетъ. Никогда между домомъ Пушкина и домомъ Дантеса ничего общаго быть не можетъ". — Мы грустно переглянулись съ д'Аршіакомъ. Пушкинъ за тѣмъ немного успокоился. „Впрочемъ, добавилъ онъ, я призналъ и готовъ признать, что г. Дантесъ дѣйствовалъ какъ честный человѣкъ". — Больше мнѣ и не нужно, подхватилъ д'Аршіакъ и поспѣшно вышелъ изъ комнаты.

Вечеромъ на балѣ С. В. Салтыкова свадьба была объявлена, но Пушкинъ Дантесу не кланялся. Онъ сердился на

меня, что, не смотря на его приказаніе, я вступилъ въ переговоры. Свадьбѣ онъ не вѣрилъ. „У него, кажется, грудь болитъ, говорилъ онъ, того гляди, уѣдетъ за границу. Хотите биться объ закладъ, что свадьбы не будетъ. Вотъ у васъ тросточька. У меня бабья страсть къ этимъ игрушкамъ. Проиграйте мнѣ ее". — А вы проиграете мнѣ всѣ ваши сочиненія. — Хорошо.—(Онъ былъ, въ это время, какъ-то желчно веселъ). „Послушайте, сказалъ онъ мнѣ черезъ нѣсколько дней, вы были болѣе секундантомъ Дантеса, чѣмъ моимъ; однако я не хочу ничего дѣлать безъ вашего вѣдома. Пойдемте въ мой кабинетъ." Онъ заперъ дверь и сказалъ: „Я прочитаю вамъ мое письмо къ старику Гекерну. Съ сыномъ уже покончено... Вы мнѣ теперь старичка подавайте." Тутъ онъ прочиталъ мнѣ всѣмъ извѣстное письмо къ голландскому посланнику (*). Губы

(*) Оно напечатано въ брошюрѣ г. Аммосова. Весьма замѣчательно, что это письмо, въ коемъ каждая строка дышетъ пламеннымъ негодовані-

его задрожали, глаза налились кровью. Онъ былъ до того страшенъ, что только тогда я понялъ, что онъ дѣйствительно Африканскаго происхожденія. Что могъ я возразить противъ такой сокрушительной страсти? Я промолчалъ невольно, и такъ какъ это было въ субботу (пріемный день кн. Одоевскаго), то поѣхалъ къ кн. Одоевскому. Тамъ я нашелъ Жуковскаго, и разсказалъ ему про то, что̀ слышалъ. Жуковскій ис-

---

емъ и жесточайшимъ презрѣніемъ, написано почти во одно время съ извѣстительнымъ письмомъ къ гр. Бенкендорфу (21 ноября). Сіе же послѣднее Пушкинъ счелъ своимъ долгомъ написать, такъ какъ въ теченіи двухнедѣльнаго срока онъ имѣлъ случай видѣться съ государемъ и далъ ему слово ничего не начинать, не предъувѣдомивъ его (слышано отъ кн. П. А. Вяземскаго); по заведенному же съ давнихъ поръ порядку Пушкинъ (кромѣ встрѣчь) относился къ покойному государю въ своихъ дѣлахъ и нуждахъ не иначе какъ черезъ гр. Бенкендорфа. Всѣмъ извѣстно милостивое участіе, какое принималъ государь въ судьбѣ поэта. (Подробности см. въ письмѣ В А Жуковскаго, Русскій Архивъ 1864, стр. 48—54)

пугался и объщалъ остановить отсылку письма. Дѣйствительно, это ему удалось: черезъ нѣсколько дней онъ объявилъ мнѣ у Карамзиныхъ, что дѣло онъ уладилъ, и письмо послано не будетъ. Пушкинъ точно не отсылалъ письма, но сберегъ его у себя на всякій случай.

Въ началѣ декабря я былъ командированъ въ Харьковъ къ гр. А. Г. Строганову и выѣхалъ совершенно успокоенный въ Москву. Въ Москвѣ я заболѣлъ и пролежалъ два мѣсяца. Передъ отъѣздомъ я пошелъ проститься съ д'Аршіакомъ, который показалъ мнѣ нѣсколько печатныхъ бланковъ съ разными шутовскими дипломами на разныя нелѣпыя званія. Онъ разсказалъ мнѣ, что Вѣнское общество цѣлую зиму забавлялось разсылкою подобныхъ мистификацій. Тутъ находился тоже печатный образецъ диплома, посланнаго Пушкину. Такимъ образомъ гнусный шутникъ, причинившій его смерть, не выдумалъ даже своей шутки, а получилъ образецъ отъ какого то члена дипломатическаго

корпуса и списалъ. Кто былъ виновнымъ, оставалось тогда еще тайной непроницаемой. Послѣ отъѣзда, Дантесъ женился и былъ хорошимъ мужемъ, и теперь по кончинѣ жены весьма нѣжный отецъ. Онъ пожертвовалъ собой, чтобъ избѣгнуть поединка. Въ этомъ нѣтъ сомнѣнія; но какъ человѣкъ вѣтреный, онъ и послѣ свадьбы, встрѣчаясь на балахъ съ Натальей Николаевной, подходилъ къ ней и балагурилъ съ нѣсколько казарменной непринужденностью. Взрывъ былъ неминуемъ и произошелъ несомнѣнно отъ площаднаго каламбура. На балѣ у гр. Воронцова, женатый уже, Дантесъ спросилъ Наталью Николаевну, довольна ли она мозольнымъ операторомъ, присланнымъ ей его женой. —Le pédicure prétend, прибавилъ онъ, que votre cor est plus beau que celui de ma femme (*). Пушкинъ объ этомъ узналъ.

(*) Т. е. мозольщикъ увѣряетъ что у васъ мозоль лучше чѣмъ у моей жены." Игра французскими словами *cor*—мозоль и *corps*—тѣло *П. Б.*

Въ письмѣ его къ посланнику Гекерну есть намеки на этотъ каламбуръ (*). Письмо впрочемъ было тоже самое, которое онъ мнѣ читалъ за два мѣсяца, — многія мѣста я узналъ; только прежнее было, если не ошибаюсь, длиннѣе и, какъ оно ни покажется невѣроятнымъ, еще оскорбительнѣе.

29 января слѣдующаго (1837) г. Пушкина не стало. Вся грамотная Россія содрогнулась отъ великой утраты. Я понялъ, что Пушкинъ не выдержалъ и послалъ письмо къ старику Гекерну; понялъ, почему, боясь новыхъ примирителей, онъ выбралъ себѣ секунданта почти уже на мѣстѣ поединка; я понялъ тоже, что такъ было угодно Провидѣнію, чтобъ Пушкинъ погибъ, и что

(*) C'est vous probablement qui lui dictiez les pauvretés qu'il venait débiter.. il débite des calembourgs de corps de garde — слова Пушкина въ письмѣ къ б. Гекерну-отцу (у Аммосова, стр. 48 и 49).

онъ самъ увлекался къ смерти силою почти сверхъестественною, и такъ сказать осязательною. 25 лѣтъ спустя, я встрѣтился въ Парижѣ съ Дантесомъ-Гекерномъ, нынѣшнимъ французскимъ сенаторомъ. Онъ спросилъ меня. „Вы ли это были?“ — Я отвѣчалъ: Тотъ самый. — „Знаете ли, продолжалъ онъ, когда фельдъегерь довезъ меня до границы, онъ вручилъ мнѣ отъ государя запечатанный пакетъ съ документами моей несчастной исторіи. Этотъ пакетъ у меня въ столѣ лежитъ и теперь запечатанный. Я не имѣлъ духа его распечатать“.

И такъ документы, поясняющіе смерть Пушкина, цѣлы и находятся въ Парижѣ. Въ ихъ числѣ долженъ быть дипломъ, написанный поддѣльной рукою. Стоитъ только экспертамъ изслѣдовать почеркъ, и имя настоящаго убійцы Пушкина сдѣлается извѣстнымъ на вѣчное презрѣніе всему Русскому народу. Это имя вертится у меня на языкѣ, но пусть его оты-

щетъ и назоветъ не достовѣрная догадка, а Божіе правосудіе! (*)

*

(*) Въ книжкѣ г. Аммосова стр. 9 сказано: „Авторомъ записокъ (безъимянныхъ) Пушкинъ подозрѣвалъ барона Гекерна отца, и даже писалъ объ этомъ графу Бенкендорфу. Послѣ смерти Пушкина многіе въ этомъ подозрѣвали князя Гагарина (Ивана Сергѣевича, нынѣ іезуита); теперь же подозрѣніе это осталось за жившимъ тогда вмѣстѣ съ нимъ княземъ Петромъ Владиміровичемъ Долгоруковымъ (извѣстнымъ подъ прозваніемъ le bancal). Поводомъ къ подозрѣнію князя Гагарина въ авторствѣ безъименныхъ писемъ послужило то, что они были писаны на бумагѣ одинаковаго формата съ бумагою князя Гагарина. Но, будучи уже за границей, Гагаринъ признался, что записки дѣйствительно были писаны на его бумагѣ, но только не имъ, а княземъ П В. Долгоруковымъ“. Сей послѣдній возражалъ противъ этого обвиненія, особымъ письмомъ, напечатаннымъ въ Современникѣ 1863, сентябрь во Внутрен. Обозрѣніи, стр. 199—200. Письмо означено: London, Fulham, 7. Partono—Green, 12 (24) іюня 1863. Онъ отрицаетъ показаніе іезуита Гагарина, а въ собственное оправданіе ссылается на свои знакомства съ друзьями и родными Пушкина *П. Б.*

Смерть Пушкина возвѣстила Россіи о появленіи новаго поэта — *Лермонтова.* Съ Лермонтовымъ я сблизился у Карамзиныхъ и былъ въ одно время съ нимъ сотрудникомъ Отечественныхъ Записокъ. Свѣтское его значеніе я изобразилъ подъ именемъ Леонина въ моей повѣсти *Большой свѣтъ*, написанной по заказу Великой Княгини Маріи Николаевны. Вообще все, что̀ я писалъ, было по случаю, по заказу, — для бенефисовъ, для альбомовъ и т. п. Тарантасъ былъ написанъ текстомъ къ рисункамъ кн. Гагарина, Аптекарша — подаркомъ Смирдину. Я всегда считалъ и считаю себя не литераторомъ ex professo, а любителемъ, прикомандированнымъ къ Русской литературѣ по поводу дружескихъ сношеній. Впрочемъ и Лермонтовъ, не смотря на громадное его дарованіе, почиталъ себя ничѣмъ инымъ, какъ любителемъ и такъ сказать шалилъ литературой. Смерть Лермонтова по моему убѣжденію была бо́льшею утратою для Рос. словесности, чѣмъ смерть Пуш-

кина и Гоголя. Въ немъ выказывались съ каждымъ днемъ новые залоги необыкновенной будущности: чувство становилось глубже, форма яснѣе, пластичнѣе, языкъ самобытнѣе. Онъ росъ по часамъ, началъ учиться, читать, сравнивать. Въ немъ слѣдуетъ оплакивать не столько того, котораго мы знаемъ, сколько того, котораго мы могли бы знать. Послѣднее наше свиданіе мнѣ очень памятно. Это было въ 1841 г.: онъ уѣзжалъ на Кавказъ и пріѣхалъ ко мнѣ проститься. „Однакожъ, сказалъ онъ мнѣ, я чувствую, что во мнѣ дѣйствительно есть талантъ. Я думаю серьезно посвятить себя литературѣ. Вернусь съ Кавказа, выйду въ отставку,—и тогда давай вмѣстѣ издавать журналъ.“(*)—Онъ уѣхалъ въ ночь. Вскорѣ онъ былъ убитъ, а я поѣхалъ за границу, гдѣ жилъ цѣлый годъ съ Гоголемъ,

---

(*) Мы въ правѣ ожидать отъ графа В. А. Сологуба подробностей о его встрѣчахъ, знакомствѣ и дружбѣ съ Лермонтовымъ. *П. Б.*

сперва въ Баденъ-Баденѣ, потомъ въ Ниццѣ. Талантъ Гоголя въ то время осмыслился, окрѣпнулъ, но прежняя струя творчества уже не била въ немъ съ привычною живостью. Прежде геній руководилъ имъ, тогда онъ уже хотѣлъ руководить геніемъ. Прежде ему невольно писалось, потомъ онъ хотѣлъ писать и какъ Гёте смѣшалъ свою личность съ независимымъ отъ его личности вдохновеніемъ. Онъ постоянно мнѣ говорилъ: „Пишите,—поставьте себѣ за правило хоть два часа въ день сидѣть за письменнымъ столомъ, и принуждайте себя писать". „Да чтожъ дѣлать возражалъ я, если не пишется!"—„Ничего... возьмите перо и пишите: Сегодня мнѣ что не пишется, сегодня мнѣ что-то не пишется, сегодня мнѣ что-то не пишется и такъ далѣе, наконецъ надоѣстъ и напишется". Самъ же онъ такъ писалъ и былъ всегда недоволенъ, потому что ожидалъ отъ себя чего-то необыкновеннаго. Я видѣлъ, какъ этотъ бойкій, свѣтлый умъ постепенно ту-

манился въ порывахъ къ недостижимой цѣли.

Какъ тревожны были мои отношенія къ Пушкину, такъ же покойны были отношенія мои къ Гоголю. Онъ чуждался и бѣгалъ свѣта; и, кажется, однажды во всю жизнь свою надѣлъ черный фракъ — и то чужой, когда великая княгиня Марія Николаевна пригласила его въ Римѣ къ себѣ. Застѣнчивость Гоголя простиралась до странности. Онъ не робѣлъ передъ посторонними, а тяготился ими. Какъ только являлся гость, Гоголь исчезалъ изъ комнаты. Впрочемъ онъ иногда еще бывалъ веселъ, читалъ по вечерамъ свои произведенія, всегда прежнія и преставлялъ между прочимъ въ лицахъ Нѣжинскихъ своихъ учителей съ такой комической силой, что присутствующіе надрывались со смѣха. Но жизнь его была суровая и печальная. По утрамъ онъ читалъ Іоанна Златоуста, потомъ писалъ и рвалъ все написанное, ходилъ очень много, былъ иногда простъ до ве-

личія, иногда причудливъ до ребячества. Я сохранилъ отъ этого времени много писемъ и документовъ, любопытныхъ для опредѣленія его психической болѣзни. Гоголя я видѣлъ въ послѣдній разъ въ Москвѣ въ 1850 г., когда я ѣхалъ на Кавказъ. Онъ пришолъ со мной проститься и началъ говорить такъ сбивчиво, такъ отвлеченно, такъ неясно, что я ужаснулся, смѣшался и сказалъ ему что-то про самобытность Москвы. Тутъ лице Гоголя прояснилось, искра прежняго веселья сверкнула въ его глазахъ, и онъ разсказалъ мнѣ по Гоголевски одинъ, въ высшій степени забавный и типичный анекдотъ, которымъ, къ сожалѣнію, я съ моими слушательницами подѣлиться не могу. Но тотчасъ же послѣ анекдота онъ снова опечалился, запутался въ несвязной рѣчи, и я понялъ, что онъ погибъ. Онъ страдалъ долго, страдалъ душевно, отъ своей неловкости, отъ своего мнимаго безобразія, отъ своей застѣнчивости, отъ безнадежной любви, отъ своего без-

силія передъ ожиданіями Русской грамотной публики, избравшей его своимъ кумиромъ. Онъ углублялся въ самого себя, искалъ въ религіи спокойствія и не всегда находилъ; онъ изнемогалъ подъ силой своего призванія, принявшаго въ его глазахъ размѣры громадные, томился тѣмъ, что не причастенъ къ радостямъ всѣмъ доступнымъ и, изнывая между болѣзненнымъ смиреніемъ и болѣзненной, несвойственной ему по природѣ гордостью, умеръ отъ борьбы внутренней, такъ какъ Пушкинъ умеръ отъ борьбы внѣшней. Оба шли разными путями, но оба пришли къ одной цѣли, къ конечному душевному сокрушенію и къ преждевременной смерти. Пушкинъ не выдержалъ своего мнимаго униженія, Гоголь не выдержалъ своего настоящаго величія. Пушкинъ не устоялъ противъ своихъ враговъ, Гоголь не устоялъ противъ своихъ поклонниковъ. Оба не были подготовлены современнымъ имъ общественнымъ духовнымъ развитіемъ къ твердой стойкости передъ

жизненными искушеніями. Оба не нашли вокругъ себя настоящей точки опоры, общаго трезваго взгляда на отношенія искусства къ жизни и жизни къ истинѣ. Настоящимъ художникамъ нѣтъ еще мѣста, нѣтъ еще обширной сферы въ Русской жизни. И Пушкинъ, и Гоголь, и Лермонтовъ, и Глинка, и Брюловъ были жертвами этой горькой истины. Тамъ, гдѣ жизнь еще ищетъ своихъ требованій, тамъ искусству неловко, тамъ художникъ становится мученикомъ другихъ и самого себя.

Послѣ кончины почти всѣхъ моихъ учителей, товарищей и пріятелей, я отошелъ отъ литературнаго поприща, какъ покидаютъ домъ, нѣкогда оживленный любимыми собесѣдниками и вдругъ опустошенный рукою всесокрушающей смерти. Я отошелъ въ сторону, но унесъ съ собой свои воспоминанія, и уже привычную любовь къ русскому слову, и твердую увѣренность въ его прекрасной будущности. — Свѣтильникъ, зажженный вели-

кими людьми, не можетъ угаснуть. Его обережетъ народный здравый смыслъ. Его оживятъ новые таланты. Дай Богъ, чтобъ они не были новыми жертвами; дай Богъ, чтобъ истинное просвѣщеніе не оставалось утонченною потребностью нѣкоторыхъ личностей, а разлилось потокомъ по всему нашему отечеству; дай Богъ, чтобъ Общество любителей Русской словесности не могло бы болѣе помѣщаться въ этой комнатѣ и чтобъ этимъ обществомъ сдѣлалось все Русское государство!

LBAp'30

Цѣна 50 к. сер.

Deacidified using the Bookkeeper process.
Neutralizing agent: Magnesium Oxide
Treatment Date: Jan. 2007

PreservationTechnologies
A WORLD LEADER IN PAPER PRESERVATION
111 Thomson Park Drive
Cranberry Township, PA 16066
(724) 779-2111

LIBRARY OF CONGRESS
00025293563